

Studia Culturae: Вып. 1 (35): Academia: В.М. Камнев, А.Э Котов, А. А. Чемакин . С. 32-44.

V. M. KAMNEV

*доктор философских наук,
профессор кафедры истории философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

A. Э. КОТОВ

*доктор исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет*

A. A. ЧЕМАКИН

Кандидат исторических наук.

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ: КИЕВСКАЯ ВЕРСИЯ

В представлении русских мыслителей XX в. Киев был не только «матерью городов русских», но и символом, объединяющим различные периоды русской истории – московский и петербургский. Эти убеждения во многом были порождены той интеллектуальной средой, что сформировалась во второй половине XIX – начале XX вв. вокруг редакции газеты «Киевлянин».

Ключевые слова: консерватизм, национализм, либерализм, украинофильство, славянофильство, публицистика.

V. M. KAMNEV

*Doctor of philosophy,
Saint-Petersburg State University*

A. E. KOTOV

*Doctor of history,
Saint-Petersburg State University*

A. A. CHEMAKIN

PhD of history

RUSSIAN LIBERAL CONSERVATISM:

KIEV VERSION

In representation of the Russian thinkers of the 20th century Kiev was not only «mother of the cities of Russians», but also the symbol uniting various periods of the Russian history – Moscow`s and St. Petersburg`s. These beliefs were in many respects generated by the intellectual environment that was created in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries near the newspaper «Kiyevlyanin».

Keywords: conservatism, nationalism, liberalism, ukrainofilism, slavophilism, journalism.

Русский философ Г.П. Федотов писал: «Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы – два неизбежных срыва России, преодолеваемые живым национальным духом. В соблазнах крепнет сила. Из немощей родится богатство. Было бы только третье, куда обращается в своих колебаниях стрелка духа. Этим полюсом, неподвижной православной вехой в судьбе России является Киев, то есть идея Киева»[18; С.215]. Эту чувства разделялись многими киевлянами – в первую очередь такими, как В.В. Шульгин. «Мы, южане, из всех русских самые русские», - с гордостью отмечал Василий Витальевич [16; С.233], отрицая любые попытки «культурного сепаратизма» - как евразийства, так и «украинства». Все эти убеждения Шульгин вынес из той интеллектуальной среды, что сформировалась вокруг его приемного отца, Виталия Яковлевича Шульгина.

До 1862 г. Виталий Яковлевич преподавал в Киевском университете св. Владимира, где получил известность, в том числе, и благодаря своим политическим взглядам – прогрессивно-демократическим и одновременно лояльным по отношению к центральным и местным властям. Подобное сочетание соответствовало духу времени, и когда Шульгин по состоянию здоровья оставил университет, именно ему было поручено редактирование новой газеты, целью которой было решение в правительственном духе главного тогдашнего малороссийского вопроса – польского.

Вопрос этот, особенно в южнорусских землях, имел в те годы не только национальное, но и сословно-классовое измерение. Публицисты и общественные деятели «русского направления», - прежде всего М.Н. Катков и И.С. Аксаков, - считали, что восстание 1863 г., впервые за несколько столетий поставившее под вопрос территориальное единство российского государства, организовано польской шляхтой. Ей противопоставляли страдавшее от шляхетского гнета простонародье – польское, литовское и русское (ныне ставшее украинским и белорусским). Такой подход имел и своих противников, рупором которых стала газета «Весть». Её редактор В.Д. Скарятин, подобно многим высокопоставленным петербургским чиновникам, считал «русское направление» крамольным и призывал к компромиссу с польской шляхтой [2; С.137-169].

Последняя, впрочем, не оставила правительству выбора. Вооруженный мятеж и попытки спровоцировать вмешательство Англии и Франции в русские дела вынудили Александра II, особенно не симпатизировавшего славянофилам, всё же последовать рекомендациям последних. Новая, «народная» или «национальная» политика требовала печатной пропаганды не только со стороны столичных и московских изданий. В.Я. Шульгин в первом номере «Киевлянина» так излагал предысторию создания газеты: «Летом прошлого года главный начальник края [киевский генерал-губернатор Н.А. Анненков] выразил однажды, в частном разговоре, упрек университетскому городу за то, что край не имеет сколько-нибудь сносной газеты. Ему отвечали, что на издание хорошей газеты нужны не одни люди, но нужны и материальные средства. Трудиться мы готовы, но материальных средств у нас недостает. В ответ на это замечание, в феврале настоящего года, по ходатайству генерал-губернатора, правительство ассигновало 6000 рублей единовременного пособия на основание газеты» [4].

В 1863 г. петербургское цензурное ведомство также пришло к заключению: «Известия из Западного края и Юго-Западного края возбуждают общий интерес. Новая газета, поставленная под редакцией лица, которое совмещало бы в себе все необходимые для этой деятельности условия, могла бы получить значительное распространение и служить важным пособием для достижения правительственных целей в крае...» [14]. Добросовестный и добросердечный В.Я. Шульгин, рекомендованный генерал-губернатором, всеми уважаемый, демократически настроенный и к тому же только что выпустивший «Очерк истории юго-западного края в последнее двадцатипятилетие», необходимым условиям соответствовал.

Сам Шульгин в своей первой передовице характеризовал свою газету как «в известной степени орган местной администрации», цель которого – наладить коммуникацию между обществом и администрацией Юго-западного края, донести до обеих сторон «точные сведения» друг о друге [14]. «Символом веры» редакции и одновременно жупелом для местной и столичной либеральной прессы стал заявленный еще в объявлении о новом издании девиз газеты: «Этот край русский, русский, русский». Газета, таким образом, заявила о своей принадлежности к «русской партии», признанным флагманом которой были тогда «Московские ведомости» М.Н. Каткова.

Суть направления «Киевлянина» десятилетия спустя сформулирует в своих воспоминаниях Шульгин-младший: «Сначала защищали южнорусский край от поляков, затем от украинствующих. Однако от евреев не защищали, потому что никто их всерьез не принимал» [24]. Это не совсем так: еврейскому вопросу в газете с самого начала уделялось достаточно места, однако в этом отношении редакция старалась занимать взвешенную позицию. Например, газета протестовала против закрытия бердичевских

еврейских училищ, считая развитие последних и приравнивание их учебных программ к гимназическим лучшим средством ассимиляции еврейства. При этом подчеркивалось, что «мы сами искренно желаем, чтобы снятием многих болезненных стеснений и преград открыт был путь к улучшению быта евреев» [5]. Год спустя публицист газеты писал: «Мы смотрим на это племя в России как на одно великое экономическое общество, искусно ведущее свои коммерческие обороты и могущее быть действительно полезным <...> Снятие карантинной границы, запирающей для евреев доступ в большую часть русского государства, <...> условливается, сверх государственного и общенародного интереса в здешней местности, человеческими побуждениями относительно самих евреев» [9]. Всё это было вполне в духе катковского отношения к еврейскому вопросу.

Главным воплощением «образа врага» была для редакции мятежная польская шляхта. Заявив в самой первой передовице о своем стремлении к «примирению», Виталий Яковлевич подчеркивал, что «усиление русского народа в крае должно совершиться: посредством эмансипации его от административного давления чиновников-поляков, от нравственного давления католической пропаганды и от экономического давления чужеродцев-землевладельцев». Однако при этом он подчеркивал, что «русификацию Польши мы считаем сумасбродною и недостойною идеей, которая может прийти в голову только публицистам, изобретшим германизацию Галиции, Венгрии, Венеции, Богемии, Моравии... Мы не намерены никого русифицировать, мы желаем только, чтобы нас, наш юго-западный край, не полонизировали» [4]. Главными средствами от этого Шульгину представлялось наделение местных крестьян землей и развитие местных русских «общественных сил», – т.е., говоря современным языком, гражданского общества.

Полемизируя со знаменитым в то время памфлетом Шедо-Феротти, отражавшим взгляд на польский вопрос «аристократической партии» газеты «Весть», публицист «Киевлянина» профессор Н. Ренненкампф писал: «За грамотными купцами, последователями «Московских ведомостей», лежит масса населения неграмотного, купцы и земледельцы, которые хотя и не читают газет, скорее поверят на слово своему бородатому собрату, нежели самым горячим уверениям бесприютного, с модною бородою, космополита, пытающегося сондировать публику. Самое негодование против памфлета Шедо-Феротти, откликнувшееся со всех концов России, от самых разнообразных лиц, служит лучшим доказательством, кто больше прав, и кто вернее выражает народную мысль: «День», «Московские ведомости», и другие газеты русские, или таинственный Шедо-Феротти» [6].

В числе прочих мер борьбы с «полонизмом» автор цитированный статьи воспроизводил и катковский рецепт русификации католичества: «Возьмем для примера хоть бы и мысль “Московских ведомостей” – чтобы

в литовских и юго-западных областях католическое богословие преподавалось на языке русском. Шедо-Феротти особенно нападает на нее, находит ее ретроградную, инквизиционную, стесняющую свободу совести. Между тем, осуществление этой мысли было бы событием вполне желанным; во-первых, потому, что если в упомянутых областях все предметы преподаются на языке русском, то для какой цели делать исключение в пользу одного католического богословия, которое читается на польском?.. Во-вторых, потому, что всем известно, какую политическую роль у поляков играют ксендзы. И представьте, такие лица имеют исключительное право употреблять в преподавании своего предмета польский!» [6].

Главным антипольским пропагандистом в «Киевлянине» стал М.В. Юзефович – уроженец Малороссии, начинавший свою карьеру еще при Д. Бибикове и печатавшийся также в «Дне» и «Московских ведомостях». Его публицистика носила подчеркнуто сословный характер. Называя польскую шляхту «историческим монстром», он рассуждал: «Западная аристократия или наше русское дворянство совсем не то, что польская шляхта: она до того своеобразна, до того исключительна, до такой степени выделилась из народа воззрением на свое самодержавное значение, что в истории человеческого общества представляет институт небывалый: это не сословие, а аристократическая демократия, феодальный произвол, воплощенный в славянской общине, безусловный авторитет, внесенный в понятие о сословном праве. – Вот почему и понятие о народности польская шляхта сосредотачивает в себе одной: как западный деспотизм говорил: *L'état c'est moi*, так она говорит: *la nation – c'est moi*» [27; С.32-38]. За свой резкий тон статьи Юзефовича нередко подвергались и цензурным взысканиям.

Наконец, в отношении третьего принципиального для юго-западного края вопроса – украинского – газета несколько отходила от катковского подхода. Если Катков решительно отвергал концепцию «трех русских народов» [11; С.6-12], то Шульгин скорее склонялся именно к ней: «редакция смотрит на взаимные отношения великоруссов, малоруссов и белоруссов не с узко-великорусской точки зрения, не с хохломано-львовской и не с шляхетско-польской: она смотрит на эти три местные группы как на три родные отрасли, как на три проявления одного русского народа. Их скрепляет воедино не одна внешняя государственная связь, союз идет глубже: он проникает в соки и кровь организма единоверного, единоплеменного, единогозычного, – он сложился историею, и не разорвать его никаким кабинетным теоретикам и непризванным областным патриотам» [4].

Шульгин осторожно намекал на чрезмерность катковской критики украинского движения, сочувственно цитируя в своей передовице письмо одного из читателей: «нам кажется странным то значение, которое многие, <...> приписывают кажущимся сепаративным стремлениям в этом отно-

шении. Мы позволяем себе думать, что такого значения далеко не приписывали, в особенности в начале, сами себе люди, подавшие инициативу к сепаратизму. Их поставила на ходули серьезная борьба, начатая против них <...> Вся опасность украинофильского учения, по нашему мнению, заключается в том, чтобы этим оружием не пользовались поляки для удовлетворения своим тенденциям. Что же касается до чистого, так сказать, кровавого украинофильства, то мы думаем, что отнюдь не следует смотреть в увеличительное стекло на микроскопические успехи этого учения на поле так называемой малороссийской народности. Предоставьте только этот элемент самодействию и сами не помогайте ему, и вы увидите, что все останется по-прежнему». В своих размышлениях по поводу этого письма редактор выстраивал целую классификацию современного ему украинского национализма, выделяя в нём «несколько кружков» [8].

Не без оснований рассматривая украинский национализм как одно из проявлений русского радикально-демократического движения, газета призывала различать украинофильство 1840-х и 1860-х гг.: «Украинофильство было таким же последствием утвердившегося то время в науке и литературе направления, как и славянофильство, в котором искали выход весьма даровитые и оригинальные натуры <...> От украинофильства сороковых годов, серьезные представители которого трудятся и теперь, до сепаратизма последнего времени - целая бездна <...> Для того, кто не знаком с нашим украинофильским кружком, невозможно вообразить, до чего доходит извращенность понятий в этой среде, достойной лучшей участи. Самые обыкновенные, обыденные вещи принимают в их глазах какой-то особенный, ненавистный для них вид. Нет такой нелепости, которой они не поверили бы, если только эта нелепость либерального свойства. Что всего печальнее, у наших украинофилов укоренилась какая-то тупая, слепая уверенность, что правда живет только в громаде, что кругом везде только ложь, насилие, тупоумие и отсталость» [7].

Разумеется, содержание газеты не сводилось к «боевой публицистике». Активно освещались на ее страницах проходившие в стране либеральные реформы, особенно судебная и земская. Много внимания уделялось вопросам образования и железнодорожному строительству. Впрочем, эти темы тогда тоже были в немало степени политизированы. Так, например, «Киевлянин» вслед за Катковым выступал за скорейшее строительство Московско-Киевской железной дороги. Альтернативную, Одесско-Киевскую, М.В. Юзефович связывал на страницах газеты с происками «польской интриги», будто бы желавшей сделать Одессу своей «оперативной базой» [28]. Находили своё отражение на газетных страницах и самые разнообразные вопросы местного значения. Высоким уровнем отличался, в частности, музыкальный отдел.

Отношения «органа Юго-западного края» с местной администрацией далеко не всегда были безоблачны. Своим основанием газета была обязана генерал-губернатору Н.А. Анненкову. Не было проблем у редакции и с его преемником А.П. Безаком. Однако последнего в 1869 г. сменил А.М. Дондуков-Корсаков, симпатизировавший скорее польскому дворянству и украинской интеллигенции. Это дало находившемуся в тот момент в Киеве В.А. Бильбасову повод заметить, что «губернатор оказывается на деле крайним негодяем, прочитывающим ежедневно единственно лишь «Весть». Тот же Бильбасов сообщал в редакцию «Голоса» о препятствиях, чинимых генерал-губернатором всем изданиям, занимавшим в тот момент антипольскую позицию. Так, 10 октября он сообщал Краевскому: «Шульгин, редактор «Киевлянина», рассказывал, что генерал-губернатор знает всех корреспондентов «Московских ведомостей» и намекал на то, что узнаёт это при помощи почтмейстера. Теперь я боюсь посылать Вам настоящее письмо по почте и шлю его в пакете к брату» [13].

Две недели спустя ситуация накалилась еще сильнее: «Переписка с Вами становится наконец крайне затруднительною и по положению дел в здешнем крае, не безопасною. Напечатанное Вами извещение о пропаже корреспонденций произвело здесь большой эффект, чем то можно было ожидать. Генерал-губернатор рвет на себе волосы; Шульгин, редактор полуофициального «Киевлянина», особенно Вам благодарен: так как он отказался печатать опровержение и заявил, что ему известен подобный же факт относительно «Московских ведомостей», то разгневанный Дондук лишил «Киевлянина» годовой субсидии в 6000 р<ублей> сер<ебром>. И с 1 янв<аря> Шульгин будет издавать эту газету совершенно самостоятельно. Я читал Шульгину начало Вашего последнего письма ко мне; он с свою очередь прочел мне письмо Леонтьева к нему с жалобой на неполучение корреспонденций вследствие задержки их на почте; но хитрый москаль просит почему-то Шульгина молчать об этом *до времени*... Кто решится писать при таких мерах генерал-губернатора? Родственник Шульгина, Градовский, посылавший иногда корреспонденции в «Московские ведомости», лишился на днях места при генерал-губернаторе» [13].

После этого конфликта газета ориентировалась уже не столько на городскую администрацию, сколько на местное земство: «газета эта к прежней своей роли полуофициального органа юго-западного края весьма заметно стала примешивать роль органа известного кружка лиц, составляющих городское управление» [15]. Однако издание и в дальнейшем оставалось верным «русскому направлению». Так или иначе, «Киевлянину» предстояла долгая и непростая история, но усилиями В.Я. Шульгина он уже в 1860-е занял важное место в системе русских консервативных изданий.

После смерти Виталия Яковлевича в 1878 г., все права на издание перешли ко вдове, Марии Константиновне, которая тут же делегировала редакторские полномочия своему любовнику Дмитрию Ивановичу Пихно. 28-летний редактор повел дело круто и самостоятельно. С начала 1880 г. выходявшая ранее три раза в неделю газета стала ежедневной, а с 1882 г. редакция окончательно отказалась от казённой субсидии. При Пихно в «Киевлянине» стало меньше статей идеологического плана и куда больше - экономического: теперь зависевшая от числа подписчиков газета ориентировалась не столько на «Московские ведомости», сколько на суворинское «Новое время».

«Киевлянинские» традиции продолжил Василий Витальевич Шульгин, бывший биологическим сыном Д.И. Пихно, но в политическом смысле наследовавший и ему, и В.Я. Шульгину. Эти традиции проявились и во время процесса Бейлиса, и в годы Первой мировой и Гражданской войн. В 1918 г., во время гетмана Скоропадского, Е.Г. Шульгина, жена Василия Витальевича и постоянный автор «Киевлянина», так объяснила «киевлянинскую» позицию на совместном с кадетами собрании: «Мы поддерживали все прежнее не потому, что оно было хорошо и мы не видели его недостатков, но потому, что на него было направлено столько таранов, что вместе с сокрушением недостатков власти могла рухнуть и Россия. Теперь, когда все рухнуло – мы свободны и желаем начать постройку правильно» [3]. Были и попытки воплотить эти «консервативно-либеральные» настроения в политической организации. Когда летом 1917 г. сотрудниками «Киевлянина» и членами Киевского клуба русских националистов был создан Внепартийный блок русских избирателей, один из киевских журналов охарактеризовал его как «русский национально-либеральный список»: ««Идейная сущность <...> списка близка к направлению нашей старой киевской газеты: «Киевлянин». Это безусловно либеральный, но с определенным русским националистическим оттенком стиль. По западноевропейской партийной терминологии “киевлянинцев” назвали бы национал-либералами» [17; С.9-10]. Осенью ВБРИ участвовал в выборах в Учредительное собрание, причем в нем были представлены бывшие члены как правых и консервативных партий (В.В. Шульгин, А.И. Савенко, Д.Н. Чихачев и др.), так и либеральных (П.Б. Струве и Н.Н. Львов) [10]. В конце 1919 г. В.В. Шульгин положительно оценил возможность создания «национально-прогрессивной» партии, куда должны войти: 1) «Кривошеинская» группа (имеется в виду экс-министр А.В. Кривошеин и его сторонники), 2) те, кто с 1915 г. носят название «прогрессивных русских националистов» (то есть собственно Шульгин и «киевлянинцы»), 3) октябристы всех оттенков, 4) правый фланг кадет [22; С.1].

Когда уже в эмиграции, в середине 1920-х гг. П.Б. Струве в «Возрождении» провозгласил лозунги «либерального консерватизма», В.В. Шульгин отозвался статьей «Вперед на легком тормозе». Он писал, что от «либерального консерватизма» Струве повеяло чем-то исключительно близким и родным, «ведь это то, что более полувека твердил «Киевлянин», хотя и выражалось это мировоззрение несколько иными словами»:

«Почему именно «Киевлянин» (который в конце концов, при всем моем к нему сыновнем почтении, был только «провинциальной» газетой) уловил, понял и уложил в схему то, что не всегда могли ухватить большие газеты обеих столиц, – Ты, Господи, веси... Играл ли тут роль случай, в течение полвека группировавший в одной семье либерально-консервативную психологию, или это было влияние Киевского университета, тоже по какой-то случайности исповедовавшего консервативно-либеральные доктрины, или же этой случайностью был сам Киев, напоенный флюидами «либерального консерватизма» своего векового прошлого?

Углубляться в сей, лично для меня крайне интересный, вопрос не стану. Но не могу не вспомнить, что бард Киевской Руси, Алексей Толстой (старший), основательнейшим образом был заражен именно этой либерально-консервативной психологией. Его глубокое презрение к неодолимой потребности вечно перед кем-нибудь «лежать на брюхе» – вчера перед ханом, сегодня перед торжествующим нигилизмом – получает объяснение, если принять в расчет, что идеализирует Алексей Толстой. Вся красота высшей, истинной, желанной психологии приписана им старому Киеву, Киеву Владимира Красного Солнышка. Этого князя поэт изображает, как убежденного «либерала-консерватора». Киев, по Алексею Толстому, это настоящая *Русь* («Да живет наша русская Русь, татарской Руси нам не надо!»). Русь, в которой сплелась и свободолубивая правда русского веча, и гордая кровь прирожденных властителей, варягов, и глубокая привязанность к родному быту, и постоянная потребность в его обновлении и улучшении... Я плохо это рассказываю, поэтому советую перечитать «киевские стихотворения» А. Толстого, и тогда все станет ясным. А вспомнил я это только потому, что хочу сейчас разразиться крайне рискованной (и потому ни для кого не обязательной) мыслью: сам Киев струит с своих «высот» какую-то «*либерально-консервативную*» эссенцию, влиянию которой подвержены люди, сами того не ведая... И, может быть, вовсе не случайность, что Столыпин, который ослепительно сверкнул перед всей Россией «консервативно-либеральными» реформами, нашел свою смерть именно в Киеве (в городе, где его больше всего понимали и любили) и похоронен в Киево-Печерской Лавре, мистической хранильнице тысячелетней народной души...» [20; С.2].

По мнению Шульгина, наиболее четко эту «киевскую традицию», пусть и в идеализированной форме, выражал именно А.К. Толстой. Согласно шульгинскому пониманию Толстого, Москва – это славянофильство, «азиатское восточничество», напоенное культом самодержавия, Санкт-Петербург – изувеченное западничество, выродившееся в нигилизм. Киев же – русский национализм и либеральный консерватизм, попытка соединить «западничество без нигилизма» и «восточничество без холопства» [25]. Киев – это обостренное чувство достоинства, выразившееся в XX в. в Белом движении, это люди, «остро ощущавшие личную и национальную честь, люди, которые сами не желали «лежать на брюхе» перед насильниками». Киев – это и умение, в стиле Н.В. Гоголя и А.К. Толстого, сочетать «уютный местный патриотизм с великодержавным национализмом» [26].

Этот идеализированный «толстовский» Киев живо чувствует здоровую и естественную связь с Западом «в противность Москве, которая от Европы юродиво отрекается; и Петербургу, который от Запада берет только продукты социального распада» [26]. «Западная традиция никогда не умирала в Киевской земле, – писал В.В. Шульгин. – Она сильна была в казачестве, вечно твердившем о «лыцарской чести». Богдан Хмельницкий, подымая русский народ против поляков, напоминал, что наши предки, славные Русы, при Одоацере самим Римом владели. Православная церковь, воюя с латинством, будучи церковью “восточной”, защищала себя по-западному. Эта западная традиция звучала и в Киевском университете. Киевские профессора по-европейски боролись с марксизмом в то время, как московские – по-восточному «легли на брюхо» перед каганом Карлом. Западная традиция выразилась и в форме землевладения, уже позабывшем о примитивной поземельной общине. Наконец, и это самое главное, западная традиция выявилась в национализме, которого еще не знала Восточная Россия. Олицетворением и апофеозом киевского западничества был Столыпин. Его воззрения, между прочим, выразились в знаменитой телеграмме, которую он прислал Киевскому клубу националистов: *Твердо верю, что загоревшийся на Западе свет Русской национальной идеи не погаснет, а озарит всю Россию*» [26].

В экономическом смысле киевское западничество это противоположность «экономическому восточничеству», то есть поземельной общине, «ставка на сильного мужика», выразившаяся в столыпинских реформах. По мнению В.В. Шульгина, эти «реформы превзошли все ожидания. Разжалованный из святых, в которые, впрочем, сам-то он никогда и не мостился, мужик охотно клюнул на «личный интерес». Сделавшись просто человеком, русский крестьянин на глазах стал преображаться. Конечно, он не сделался святым. Но он становился лучше, чем был раньше; и в этом все

дело. Кто захочет поднять Россию на единый волос, совершит благо, потому что это возможно. Кто захочет возвести ее до небес, плюхнется в лужу» [23; С.3].

Подводя итоги своим размышлениям, В.В. Шульгин констатировал, что основная черта киевского западничества (и, соответственно, киевского «либерального консерватизма»): «брать от Европы все, что может возвеличить Россию!» [26].

Если вспоминать Киевский университет, то стоит отметить и тот факт, что П.Б. Струве, наверное, главный идеолог и символ национал-либерализма и либерального консерватизма, защитил диссертацию на соискание степени доктора политической экономии и статистики именно в Киевском университете святого Владимира [1; С.2] и, вероятно, не без содействия В.В. Шульгина (на это косвенно указывает тот факт, что официальным оппонентом Струве на защите был А.Д. Билимович, женатый на дочери В.Я. Шульгина). Нет ничего удивительного в том, что Струве, профессор Петроградского политехнического института, поехал защищаться в Киев. В любом другом русском университете он мог столкнуться с серьезными проблемами, связанными не с научными вопросами, а с политическими – многие представители академической среды уже давно считали его «предателем идеалов русской интеллигенции», в Киеве же он был среди своих. Подобным же центром «либерального консерватизма» была Первая киевская (Императорская Александровская) гимназия, которая, по воспоминаниям Н.П. Полетики, «была консервативной, но не реакционной» [12; С.25]. В ней учились и сыновья В.В. Шульгина, и дети других сотрудников «Киевлянина», и прототипы «Белой гвардии», включая самого М.А. Булгакова и его брата Н.А. Булгакова («Николку Турбина»). И сам Михаил Афанасьевич «придерживался правых взглядов, но умеренного порядка» [19; С.25], что вполне вписывалось в киевскую либерально-консервативную традицию. Можно сказать, все центры киевского либерального консерватизма находились в шаговой доступности, в пределах одного квартала – редакция «Киевлянина» и дом Шульгиных-Пихно (Караваевская улица), Киевский университет (Владимирская улица), Первая гимназия (Бибиковский бульвар).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Б-ий*. Защита диссертации проф. П.Б. Струве // Киевлянин. 1917. 18 февраля. № 49. С. 2.
2. Ведерников В.В. Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. № 9. С. 137–169
3. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 2. Д. 11а. Л. 201.
4. Киевлянин. 1864. №1. 1 июля
5. Киевлянин. 1864. №24. 25 августа.
6. Киевлянин. 1864. №52. 29 октября
7. Киевлянин. 1864. №64. 28 ноября
8. Киевлянин. 1864. №9. 21 июля
9. Киевлянин. 1865. №21. 19 февраля

- 10.Киевлянин. 1917. 17 октября. № 242. С. 1.
- 11.Котов А.Э. Украинский вопрос в политической публицистике «катковского направления» // Клио. 2014. №11. С. 6-12
- 12.Политика Н.И. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1982. С. 25.
- 13.РНБ. Ф. 391. Ед. 197. Л. 4.
- 14.РГИА. Ф. 775. Оп.1. Ед. 325. Л.1.
- 15.РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. 93. Л. 173
- 16.Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919-1939 гг. М., 2012. С. 233
- 17.Стрельников А. К выборам гласных в Городскую Думу // Наш журнал. 1917. 20 июля. № 3. Стб. 9 – 10.
- 18.Федотов Г.П. Три столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 215.
- 19.Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 25.
- 20.Шульгин В. «Вперед на легком тормозе» // Русь. 1925. 23 июня. № 664. С. 2.
- 21.Шульгин В. Три столицы и Алексей Толстой // Голос России. 1936. 16 июля. № 5. С. 4.
- 22.Шульгин В. Четыре // Киевлянин. 1919. 12 ноября. № 66. С. 1.
- 23.Шульгин В.В. «Не туда поворот...» (Памяти П.А. Столыпина) // Голос России. 1936. 22 сентября. № 14. С. 3.
- 24.Шульгин В.В. Тени, которые приходят. СПб., 2012. С. 34
- 25.Шульгин В.В. Три столицы и Алексей Толстой (Окончание) // Голос России. 1936. 28 июля. № 6. С. 5.
- 26.Юзефович М. Ответ г. Грабовскому. М., 1862. С. 32-33
- 27.Юзефович М.В. Возможен ли мир с нами польской шляхты. Вильно, 1864

TRANSLIT

- 1.B-i. Zashchita dissertatsii prof. P.B.Struve // Kiyevlyanin.1917. 18 fevralya. № 49. S.2
- 2.Vedernikov V.V. Natsionalny vopros v zerkale konservativnoi publitsistiki. Gazeta «Vest» // Isto- richeskie zapiski. 2006. № 9. S. 137-169.
- 3.GARF. F. R-5974. Op.2. D. 11a. L.201
- 4.Kiyevlyanin. 1864. №1. 1 iulya.
- 5.Kiyevlyanin. 1864. № 24. 25 avgusta.
- 6.Kiyevlyanin. 1864. № 52. 29 oktyabrya.
- 7.Kiyevlyanin. 1864. № 64. 28 noyabrya.
- 8.Kiyevlyanin. 1864. № 9. 21 iulya.
- 9.Kiyevlyanin. 1865. № 21. 19 fevralya.
- 10.Kiyevlyanin. 1917. 17 oktyabrya. № 242. S 1.
- 11.Kotov A.E. Ukrainskii vopros v politicheskoi publitsistike “katkovskogo napravleniya” // Klio. 2014 №11. S. 6-12.
- 12.Poletika N.P. Vidennoe I perezhitoe (Iz vospominanii) Ierusalim: Biblioteka-Aliya, 1982. S.25.
- 13.RNB. F 391. Ed. 197 L. 4.
- 14.RGIA. F. 775. Op. 1. Ed. 325. L.1.
- 15.RGIA. F. 776. Op. 11. Ed. 93. L. 173.
- 16.Spor o Rossii: V.A.Maklakov-V.V.Shulgin. Perepiska 1919-1939. M. 2012. S. 233.
- 17.Strelnikov A. K Vyboram glasnyn v Gorodskuyu Dumu// Nash zhurnal. 1917. 29 iulya. №3. STB 9-10.
- 18.Fedotov G.P. Tri stolitsy// Novyi mir. 1989. №4. S.215
- 19.Chudakova M.O. Zhizneopisanie Michaila Bulgakova. 2-e izd., dop. M. Kniga. 1988. S. 25.
- 20.Shulgin V.V. “Vpered na legkom tormoze” // Rus. 1925. 23 iunya. № 664. S.2.
- 21.Shulgin V.V. Tri stolitsy I Alexei Tolstoi // Golos Rossii. 1936. 16 iulya. №5. S.4.
- 22.Shulgin V.V. Chetyre // Kiyevlyanin. 1919. 12 noyabrya. №66. S.1.

23. Shulgin V.V. "Ne tuda povorot..." (Pamyati P.A. Stolypina. // Golos Rossii. 1936. 22 sentyabrya. № 14. S. 3.
24. Shulgin V.V. Teni, kotorye prihodyat. SPb. 2012. S.34.
25. Shulgin V.V. Tri stolitsy I Alexei Tolstoi (Okonchanie) // Golos Rossii. 1936. 28 iulya. № 6. S.5.
26. Yuzefovich M. Otvet g. Grabovskomu. M. 1862. S. 32-33.
27. Yuzefovich M. Vozmozhen li mir s name polskoi shlyahy. Vilno. 1864.